

Х. К. Андерсен

и
А. Б. С.

О ПЕ- ЛУЖОЙЕ!

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МАЛЫШ»
МОСКВА
1989

А.С.
А.65

Никто на свете не знает столько историй, сколько знает их Оле-Лукойе. Вот мастер рассказывать!
Вечером, когда дети смиренно сидят за столом или на скамеечке, является Оле-Лукойе. В одних

чулках он неслышно поднимается по лестнице, потом осторожно приотворяет дверь и брызжет детям в глаза сладким молоком. Тогда веки у всех начинают слипаться, и дети уже не могут разглядеть Оле, а он подкрадывается к ним сзади и начинает легонько дуть им в затылок. Подует — и детские головки поникнут. Но это не больно, Оле-Лукойе ведь ничего плохого не замышляет, он хочет только, чтобы дети уgomонились, а утихомиряются они не раньше, чем их уложишь в постель. И как только они затихают, он начинает рассказывать истории.

Но вот дети заснули, и Оле-Лукойе присаживается на край кроватки. Одет он прелестно — в шёлковый кафтан; только нельзя сказать, какого цвета этот кафтан: он отливает то синим, то зелёным, то красным, смотря куда повернётся Оле. Под мышкой он держит два зонтика. Один зонтик — тот, что с картинками, — Оле раскрывает над хорошими детьми, и им тогда всю ночь снятся увлекательные сказки. Другой зонтик — совсем простой, гладкий, и Оле раскрывает его над нехорошими детьми; ну, они и спят, как чурбаны, всю ночь, а утром оказывается, что они ровно ничего не видели во сне!

Вот и послушаем, как Оле-Лукойе целую неделю навещал одного маленького мальчика, Яльмара, и каждый вечер рассказывал ему сказки. Целых семь сказок рассказал — в неделе ведь семь дней.

фокс 2015

217648
А.С. Андерсен Х.К.
Оле-Лукойе.
1989г. 30к

Инв. № 217648

217648

ПОНЕДЕЛЬНИК

— Так! — сказал Оле-Лукойе, уложив Яльмара в постель. — Прежде всего я принаряжу комнату! И вот все цветы в горшках мгновенно выросли, стали большими деревьями и протянули свои длинные ветви к самому потолку; комната превратилась в чудеснейшую беседку. Ветви деревьев покрылись цветами; и ни один цветок не уступал розе в красоте и аромате, а на вкус (если бы только вы захотели его попробовать) был слаще варенья; плоды же блестели, как золотые. А ещё на деревьях росли пышки, которые чуть не лопались, — так щедро они были начинены изюмом. Просто чудо! Но вдруг из ящика стола, где лежали учебники Яльмара, раздались громкие стоны.

— Что там такое? — сказал Оле-Лукойе и, подойдя к столу, выдвинул ящик.

Оказалось, что это трещала и скрипела аспидная доска: в решение написанной на ней задачи вкралась ошибка, и все цифры готовы были разбежаться кто куда; грифель, как собачонка, скакал и прыгал на своей верёвочке: он горячо желал помочь делу, да не мог. Из тетради Яльмара тоже доносились жалобные стоны, и слышать их было страшно. На каждой странице этой тетради в начале каждой строки стояли рядом большие и маленькие буквы — и те и другие очень красивые. То были прописи. А возле них располагались другие, воображавшие себя столь же красивыми. Их писал сам Яльмар, и они прямо-таки валялись на проведённую карандашом линию, вместо того чтобы стоять на ней прямо.

— Вот как надо держаться! — учила пропись. — Вот так, с лёгким наклоном вправо!

— Ах, мы бы и рады, — отвечали буквы Яльмара, — да не умеем! Мы такие убогие!

— Так вас надо немножко подтянуть! — проговорил Оле-Лукойе.

— Ах, нет, нет! — закричали буквы и сразу выпрямились, просто загляденье!

— Ну, теперь нам не до сказок! — сказал Оле-Лукойе. — Будем-ка упражняться! Раз-два! Раз-два!

И он так вышколил буквы Яльмара, что они теперь стояли прямо и стройно, — так умеют стоять только буквы в прописях. Но когда Оле-Лукойе ушёл и Яльмар утром проснулся, буквы снова сделались такими же убогими, как и прежде.

ВТОРНИК

Как только Яльмар улёгся, Оле-Лукойе дотронулся своей волшебной брызгалкой до мебели, и все вещи в комнате сейчас же принялись болтать друг с другом — все, кроме плевательницы; она молчала и про себя возмущалась ветреностью других вещей: ну можно ли говорить и думать

только о себе да о себе, не обращая внимания на ту, что так скромно стоит в углу и позволяет в себя плевать!

Над комодом висела большая картина в золочёной раме. На ней была изображена красивая местность: высокие старые деревья, трава, цветы и широкая река, убегающая мимо роскошных дворцов куда-то далеко за лес, в безбрежное море.

Оле-Лукойе прикоснулся волшебной брызгалкой к картине, и вот нарисованные птицы запели, ветви деревьев зашевелились, а облака поплыли по небу; видно было даже, как скользили по картине их тени.

Затем Оле приподнял Яльмара до уровня рамы, и мальчик ступил прямо в высокую траву.

Освещённый солнышком, что сияло сквозь листву деревьев, он побежал к воде и уселся в маленькую лодку, которая покачивалась на воде у берега. Лодочка была выкрашена в красный и белый цвет, а паруса её блестели как серебряные. Шесть лебедей, в золотых коронах, надетых на шеи, с сияющими синими звёздами на головах, повлекли лодочку мимо зелёных лесов, где деревья шептали о разбойниках и ведьмах, а цветы — о прелестных маленьких эльфах и о том, что рассказали им бабочки.

Удивительные рыбы с серебристой и золотистой чешуёй плыли за лодкой, ныряли и, подпрыгнув, опять с

шумом шлёпались в воду; красные и голубые, большие и маленькие птицы летели за Яльмаром двумя длинными вереницами, комары толклись, а майские жуки гудели: «Бум! Бум!» Всем им хотелось проводить Яльмара, и у каждого была для него наготове сказка.

Да, это было плаванье!

Леса то густели и темнели, то становились похожими на красивейшие сады, освещённые солнцем и усеянные цветами.

На берегах реки возвышались большие хрустальные и мраморные замки, а на балконах этих дворцов стояли принцессы — и все они были знакомые Яльмару девочки, с которыми он часто играл, — они протягивали ему руки, и каждая держала в правой руке хорошенького сахарного поросёнка — такого редко можно купить у торговли сладостями. Яльмар, проплывая мимо, хватал поросёнка, но принцесса не выпускала его из рук; поросёнок переламывался, и оба получали свою часть: Яльмар — побольше, принцесса — поменьше.

У всех замков стояли на часах маленькие принцы, они отдавали Яльмару честь золотыми саблями и осыпали его изюмом и оловянными солдатиками — это явно были настоящие принцы!

Яльмар плыл по лесам, по каким-то огромным залам и городам... Проплыл и через тот город, где жила его няня, которая нянчила его, когда он был ещё малюшкой, и очень любила своего питомца. И вот он увидел её: она кивала ему, махала рукой и пела трогательную песенку, которую сама когда-то сочинила и прислала ему:

Живу я, а мысли мои все с тобой,
Мой Яльмар, мой мальчик любимый!
Ведь я целовала твой лобик крутой,
И щёчки, и ротик, родимый.

Я слышала первый твой лепет, дитя,
Грустила, тебя покидая...
Господь оградит от несчастий тебя:
Ты ангел из светлого рая!

Птички подпевали ей, цветы приплясывали, а старые ивы кивали кронами, поддакивая Оле-Лукойе, словно он и им тоже рассказывал сказку.

СРЕДА

Ну и дождь лил! Яльмар слышал его шум даже во сне; когда же Оле-Лукойе открыл окно, оказалось, что вода стоит вровень с подоконником. Целое озеро! Зато к самому дому причалил великолепный корабль.

— Хочешь поехать, Яльмар? — спросил Оле. — Побываешь ночью в чужих краях, а к утру — опять дома!

И вот Яльмар, в воскресном платье, вдруг очутился на великолепном корабле. Погода мгновенно прояснилась, и корабль поплыл по улицам, мимо церкви, — кругом было сплошное огромное озеро. Наконец он уплыл так далеко, что земля скрылась из виду.

В поднебесье летела стая аистов; они тоже покинули родину и направились в дальние тёплые края. Летели они длинной вереницей, один за другим.

Аисты были в пути уже много-много дней, и один из них так утомился, что крылья почти отказывались ему служить. Он летел позади всех, потом отстал и начал опускаться на своих распушенных крыльях всё ниже и ниже. Вот он взмахнул ими ещё раза два, но... напрасно! Вскоре он задел за мачту корабля, скользнул по снастям и — бух! — упал прямо на палубу.

Юнга подхватил его и посадил в птичник, к индейкам, уткам и курам. Бедняга аист стоял и уныло озираясь.

— Ишь какой! — закудахтали куры.

Индюк надулся что было силы и спросил у аиста, кто он такой, а утки пятились, толкались и крякали: «Дуррак! Дуррак!»

И вот аист рассказал им о жаркой Африке, о пирамидах и о страусах, которые носятся по пустыне так же

быстро, как дикие лошади. Но утки ничего не поняли и опять стали подталкивать друг друга и кричать.

— Правда, он дурак?

— Конечно, дурак! — подтвердил индюк и от возмущения надулся и залопотал что-то.

Тогда аист замолк и стал думать о своей Африке.

— Какие у вас чудесные тонкие ноги! — сказал индюк. — Почём за аршин?

— Кряк! Кряк! Кряк! — закричали смешливые утки; но аист как будто и не слышал ничего.

— Могли бы и вы посмеяться с нами! — сказал аисту индюк. — А ведь хлётко я сострил! — добавил он. — Или вы шуток не понимаете? Ну и тупоголовый! Что ж, позабавимся без него! — и он снова залопотал что-то.

Курицы закудахтали, а утки закричали: им было очень смешно.

Но Яльмар подошёл к птичнику, открыл дверцу, поманил аиста, и тот выпрыгнул к нему на палубу — он уже успел отдохнуть.

И вот аист склонил перед Яльмаром голову, как бы в знак благодарности, взмахнул широкими крыльями и полетел в тёплые края. Куры опять закудахтали, утки закричали, а индюк так надулся, что гребешок его побагровел.

— Завтра из вас сварят суп! — сказал Яльмар и проснулся в своей кровати.

Славно они с Оле-Лукойе попутешествовали этой ночью.

— Знаешь что? — сказал Оле-Лукойе. — Только не пугайся! Я сейчас покажу тебе мышку! И правда, в руке у него была прехорошенькая мышка.

— Она явилась пригласить тебя на свадьбу: две мышки собираются пожениться нынче ночью. Живут они под полом в кладовой твоей матери. Чудесное помещение, как говорят!

— А как же я пролезу сквозь дырочку в полу? — спросил Яльмар.

— Положись на меня! — ответил Оле-Лукойе. — Ты у меня сделаешься совсем маленьким.

И не успел он дотронуться до Яльмара своей волшебной брызгалкой, как тот вдруг стал уменьшаться, уменьшаться и, наконец, сделался совсем крошечным — ни дать ни взять мальчик с пальчик.

— Мундир можно будет занять у оловянного солдатика, — сказал Оле-Лукойе. — Я думаю, он тебе будет впрок. Как приятно быть в гостях в мундире!

— Ладно! — согласился Яльмар и, когда переоделся, стал похожим на образцового оловянного солдатика.

— Не угодно ли вам сесть в напёрсток вашей матушки? — сказала Яльмару мышка. — Я буду иметь честь отвезти вас.

— Надеюсь, это не затруднит вас, фрёкен? — отозвался Яльмар.

И вот они поехали на мышиную свадьбу.

Проскользнув в дырочку, прогрызенную мышами в полу, они сначала попали в длинный коридор, такой узкий, что здесь только в напёрстке и можно было проехать.

Коридор был ярко освещён светящимися гнилушками.

— Как хорошо здесь пахнет, правда? — сказала мышка-возница. — Весь коридор вымазан салом! Что может быть лучше!

Наконец добрались и до того места, где праздновали свадьбу. Направо, перешёптываясь и пересмеиваясь, стояли мышки-дамы, налево, покручивая лапками усы, — мышки-кавалеры, а посредине, на корке выеденного сыра, восседали жених с невестой и целовались на глазах у всех. Ну что ж, ведь они уже обручились и сейчас должны были обвенчаться.

А гости всё прибывали и прибывали, и в давке счастливую парочку оттеснили к самому входу, так что никто уже больше не мог ни войти, ни выйти.

Зал, как и коридор, тоже был вымазан салом; никакого другого угощения не было, а на десерт гостей обносили горошиной, на которой одна родственница новобрачных выгрызла их имена, — то есть, конечно, только первую букву каждого имени. Диво, да и только!

Все мыши признали, что свадьба удалась на славу и время прошло очень приятно.

Яльмар поехал домой. Довелось и ему побывать в блестящем обществе; правда, пришлось совсем съёжиться, чтобы влезть в мундир оловянного солдатика.

— Просто не верится, какое множество пожилых людей жаждет залучить меня к себе! — сказал Оле-Лукойе! — И особенно жаждут те, которые сделали что-нибудь дурное. «Добренький, миленький Оле, — говорят они мне, — мы просто глаз не можем сомкнуть, лежим без сна всю

ночь напролёт, и нас окружают наши дурные дела: рассядутся, словно гадкие гномы, по краям кровати и брызжут на нас кипятком. Хоть бы пришёл и прогнал их, Оле, чтобы мы могли покрепче уснуть; а уж мы бы тебя вознаградили! — добавляют они с глубоким вздохом. — Ну, спокойной ночи, Оле! Деньги на окне!» Но я ни к кому не прихожу за деньгами, — заключил Оле-Лукойе.

— Что будем делать сегодня ночью? — спросил Яльмар.

— Не хочешь ли опять побывать на свадьбе? Только не на такой, как вчера. Большая кукла твоей сестры, та, что одета мальчиком — её зовут Герман, — хочет повенчаться с куклой Бертой. Кроме того, сегодня день рождения куклы, и ей готовят много подарков.

— Знаю! Знаю! — сказал Яльмар. — Как только куклам понадобится новое платье, сестра сейчас же празднует их день рождения или свадьбу. Так она уже раз сто проделывала.

— Да, а сегодня ночью это будет в сто первый и, значит, в последний раз. Оттого и готовится нечто необыкновенное. Взгляни-ка!

Яльмар посмотрел на стол. На нём стоял картонный домик с освещёнными окнами, и все оловянные солдатики держали ружья на караул. Жених с невестой в задумчивости сидели на полу, прислонившись к ножке стола; да им и было о чём задуматься! Оле-Лукойе, облачив-

шись в бабушкину чёрную юбку, перевенчал их, и вот вся мебель в комнате запела на мотив марша забавную песенку, которую сочинил карандаш:

Пускай к невесте с женихом
Примчится наша песня в дом.
Горды собой, сидят вдвоём —

Их сделали, взяв пакли ком
И лайкой обтянув кругом!
«Ура! Ура!» — мы им поём.

Затем молодые получили подарки, но от еды отказались — они были сыты своей любовью.

— Ну, поехать нам теперь на дачу или отправиться за границу? — спросил молодой муж.

На совет пригласили опытную путешественницу ласточку и старую курицу, которая уже пять раз высиживала цыплят. Ласточка рассказала о тёплых краях, где зреют тяжёлые виноградные гроздья, где воздух так лёгок, а горы отливают такими красками, о каких здесь и понятия не имеют.

— Но там не растёт наша кудрявая капуста! — сказала курица. — Одно лето я со своими цыплятами жила в деревне; там была большая куча песку, и мы могли в ней рыться и копать сколько угодно. Кроме того, нам разрешили ходить в огород, где росла капуста. Ах, какая она была зелёная! Нет ничего красивее её!

— Да ведь один кочан капусты похож на другой как две капли воды! — сказала ласточка. — К тому же здесь часто бывает ненастье.

— Ну, к этому можно привыкнуть, — проговорила курица.

— Но здесь так холодно, того и гляди замёрзнешь!

— Для капусты это как раз хорошо, — заметила курица. — Да, наконец, и у нас бывает тепло! Вот, например, четыре года назад лето у нас тянулось целых пять недель. А жара-то какая стояла — дышать нечем было! Кстати сказать, у нас нет тех ядовитых тварей, какие водятся в тёплых краях. Нет и разбойников. Только отщепенец не считает нашу страну лучшей в мире. Такой недостойн жить в ней! — Тут курица заплакала. — Я ведь

тоже путешествовала, целых двенадцать миль проехала в бочонке, — и ничего приятного в путешествии не нашла.

— Да, курица наша — умница, — сказала кукла Берта. — Мне тоже ничуть не нравится ездить по горам, — только и знаешь: то вверх, то вниз, то вверх, то вниз! Нет, лучше мы переедем в деревню, где много песка, и будем гулять по огороду, где растёт капуста.

На том и порешили.

СУББОТА

— А сегодня будешь рассказывать? — спросил Яльмар, как только Оле-Лукойе уложил его в постель.

— Сегодня некогда, — ответил Оле и раскрыл над мальчиком свой красивый зонтик. — Погляди-ка вот на этих китайцев!

Зонтик был похож на большую китайскую чашу, расписанную

голубыми деревьями и узенькими мостиками, на которых стояли маленькие китайцы и кивали головой.

— Сегодня надо будет принарядить к завтрашнему дню весь мир! — продолжал Оле. — Завтра праздник, воскресенье. Мне надо влезть на колокольню, чтобы проверить работу церковных домовых, которые должны вычистить колокола, а не то они завтра будут плохо звонить; потом выйду в поле посмотреть, смахнул ли ветер пыль с травы и листьев. А уж потом наступит время и для самой трудной работы: придётся снять с неба и почистить все звёздочки. Я их собираю в свой передник и при этом нумерую каждую звёздочку и дырочку, в которой она сидела, чтобы потом разместить их все по местам, не то они будут плохо держаться и покатаются с неба одна за другой!

— Послушайте-ка, вы господин Оле-Лукойе! — проговорил вдруг висевший на стене старый портрет. — Я прадедушка Яльмара и очень признателен вам за то, что вы рассказываете мальчику сказки, но вы не должны извращать его представления. Снимать с неба звёзды и чистить их невозможно: звёзды такие же светила, как наша земля, тем-то они и хороши.

— Спасибо тебе, прадедушка! — отозвался Оле-Лукойе. — Спасибо! Ты глава семьи, наш родоначальник, но я всё-таки постарше тебя! Я старший язычник; древние

римляне и греки считали меня богом сновидений. Я бывал в знатнейших домах и теперь туда вхож, и знаю, как обходиться и с большими и с малыми. Можешь теперь рассказывать сам.

И Оле-Лукойе ушёл, сунув зонтик под мышку.

— Ну, уж нельзя и мнения своего высказать! — проворчал старый портрет.

Тут Яльмар проснулся.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

— Добрый вечер! — сказал Оле-Лукойе.

Яльмар кивнул ему, вскочил и повернул прадедушкин портрет лицом к стене, чтобы он опять не вмешался в разговор по-вчешнему.

— А теперь ты расскажи мне вот какие сказки: про пять зелёных горошин, что родились в одном стручке, про петушиную ногу, которая ухаживала за куриной ногой, и про штопальную иглу, которая возомнила себя швейной иглой, — сказал Яльмар.

— Ну, хорошенького понемножку! — отозвался Оле-Лукойе. — Я лучше покажу тебе кое-что. Я покажу тебе своего брата, его тоже зовут Оле-Лукойе, но он ни к кому не является больше, чем один раз в жизни. А уж если явится, то берёт человека, сажает к себе на коня и рассказывает ему сказки. А знает он их только две: одна из них так прекрасна, что и описать нельзя, но зато другая... нет слов выразить, какая она страшная!

Оле-Лукойе приподнял Яльмара, поднёс его к окну и сказал:

— Сейчас ты увидишь моего брата, другого Оле-Лукойе. Люди зовут его смертью. Видишь, он вовсе не такой страшный, каким выглядит на картинках, где его рисуют в виде скелета. Кафтан на нём вышит серебром, как гусарский мундир; за плечами развевается чёрный бархатный плащ... Гляди, как он скачет!

И Яльмар увидел, как мчится во весь опор другой Оле-Лукойе, сажая к себе на коня и старых и малых. Одних он сажал перед собою, других позади, но сначала всегда спрашивал:

— Какие у тебя отметки?

— Хорошие! — отвечали все.

— Покажи-ка! — говорил он.

Приходилось показывать. И вот тех, у кого были отличные или хорошие отметки, он сажал впереди себя и рассказывал им весёлую сказку, а тех, у кого были посредственные или плохие, — сажал позади себя, и эти должны были слушать страшную сказку. Они тряслись в ужасе, плакали и старались спрыгнуть с коня, да не могли, потому что сразу же крепко прирастали к седлу.

— Но ведь Смерть — чудеснейший Оле-Лукойе! — сказал Яльмар. — И я ничуть не боюсь его!

— Да и нечего бояться! — сказал Оле. — Смотри только, чтобы у тебя всегда были хорошие отметки.

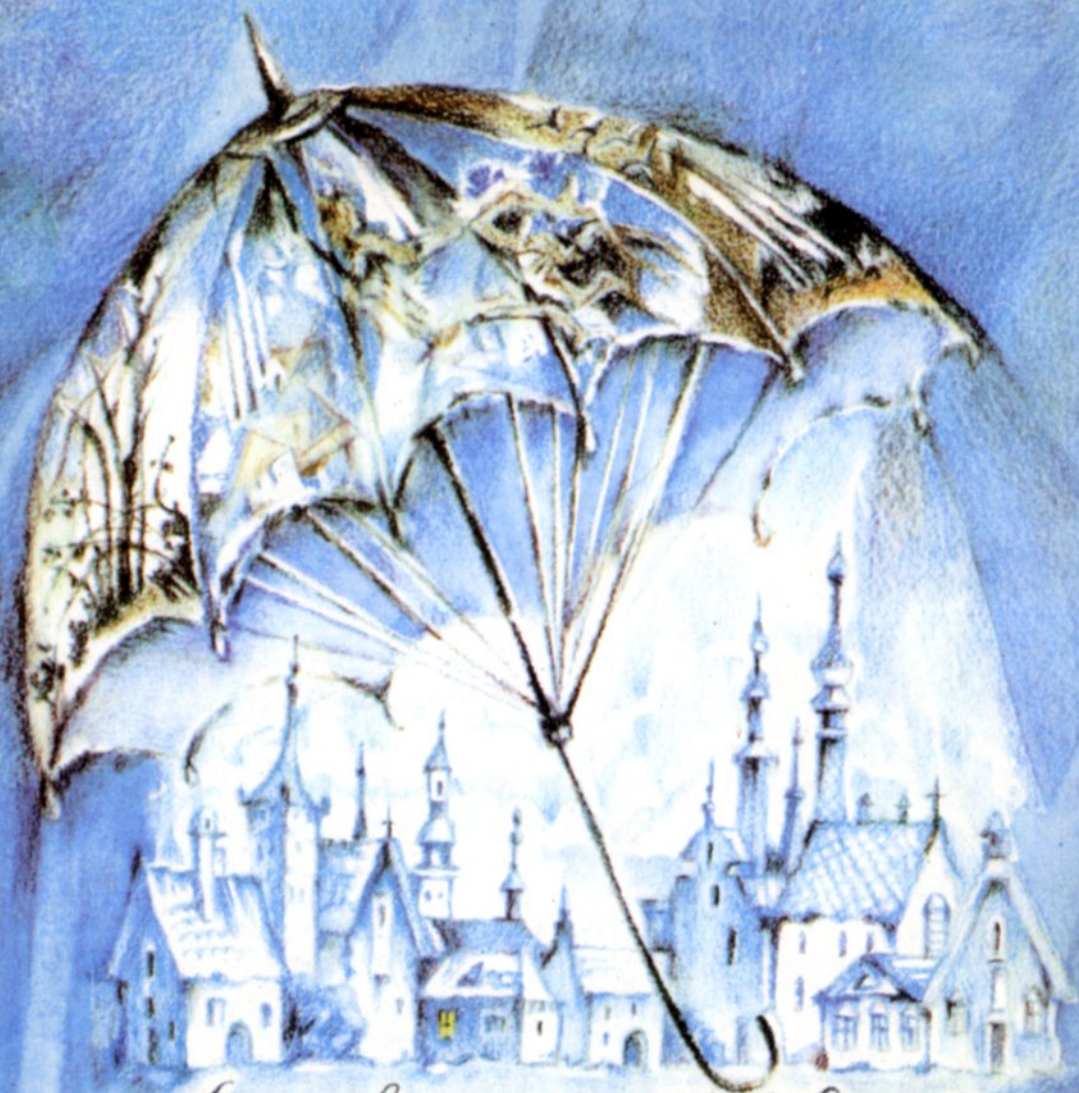
— Вот это поучительно! — пробормотал прадедушкин портрет. — Всё-таки, значит, не мешает иногда высказать своё мнение.

Он был очень доволен.

Вот тебе и вся история об Оле-Лукойе! А вечером пусть он сам расскажет тебе ещё что-нибудь.

30 коп.

Рисовала Н. Орлова

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Ханс Кристиан Андерсен

ОЛЕ-ЛУКОЙЕ

Редактор Э. Степченко. Художественный редактор Д. Пчёлкина.
Технический редактор О. Кистерская. Корректор Н. Пьянкова.

ИБ № 2508

Сдано в набор 22.12.88. Подписано в печать 28.08.89. 60×90/8. Бумага офс. № 1. Гарнитура Банниковская. Печать офсет. Усл. печ. л. 3,5. Усл. кр.-отт. 28,0. Уч.-изд. л. 3,08. Тираж 350 000 экз. Изд. № 10453. Заказ 2535. Цена 30 коп. Издательство «Малыш», 121352, Москва, Давыдовская ул., 5. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР. Госкомиздата РСФСР, 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

А 4804010100-094 118-89
M102(03)-89

ISBN 5-213-00540-3

© илл. Издательство «Малыш» 1989